

Д. Д. ШАМРАЙ и П. Н. БЕРКОВ

К ЦЕНЗУРНОЙ ИСТОРИИ «ТРУДОЛЮБИВОЙ ПЧЕЛЫ» А. П. СУМАРОКОВА

История «Трудолюбивой пчелы», одного из первых частных русских журналов, выяснена недостаточно. Излагая в «Истории императорской Академии Наук в Петербурге» биографию Ломоносова, П. П. Пекарский коснулся полемики между последним и Сумароковым (а также и Тредиаковским) в 1759 году и попутно сообщил некоторые документальные данные о сумароковском журнале.¹ Позднее М. И. Сухомлинов для характеристики состояния критики в середине XVIII века также привел в своей «Истории Российской Академии» некоторые материалы о «Трудолюбивой пчеле», частично использованные его предшественником.² В целом же «дело № 239» Архива Академии наук СССР, заключающее в себе относительно полные сведения о положении «Трудолюбивой пчелы» (в цензурном плане), осталось неиспользованным в должной мере. Между тем содержащиеся в документах материалы представляют несомненный интерес для истории русской литературы XVIII века и для истории русской журналистики; в частности, здесь находится неопубликованное полностью «доношение» Сумарокова о желании издавать «Трудолюбивую пчелу», точные сведения о тираже первого издания этого журнала, условия, на которых он издавался, отчасти уже известные, а более — неизвестные данные о цензурных придирках к Сумарокову и т. д.

Все это дает нам основания привести в более полном виде, чем это сделали П. П. Пекарский и М. И. Сухомлинов, материалы из дела № 239.

14 декабря 1758 года Сумароков подал в Академию наук следующий документ:³

В КАНЦЕЛЯРИЮ СПБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ
ОТ БРИГАДИРА АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА
Д О Н О Ш Е Н И Е.

Вознамерился я издавать помесячно журнал для услуги народной, того ради покорно прошу, чтобы повелено было в академической типографии оной мой журнал без остановки на чистой бумаге в осьмуху печатать по двенадцати сот экземпляров, а деньги с меня по прошествии всякой трети взыскивать; что же касается до рассмотрения изданий, нет ли в оных чего противного, сие могут просматривать, ежели благоволено будет, те люди, которые просматривают академические журнальные издания, не касаясь слогу моих изданий.

¹ П. П. Пекарский. История императорской Академии Наук в Петербурге, т. II, СПб., 1873, стр. 651—664.

² М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. III. СПб., 1876, стр. 50—53.

³ Архив АН СССР, д. № 239, л. 30.

Только нижайше прошу, чтобы Канцелярия Академии Наук благоволила меня избавить от помешательства и затруднений в печатании.

А начать оные издания, ежели получу позволение, намерен я с первого дня генваря наступающего года. Бригадир Александр Сумароков.

Очевидно, наученные горьким опытом предыдущих отношений с Сумароковым и обеспокоенные поставленными им в «доношении» условиями, начальствующие лица типографии Академии наук попытались отказаться от печатания нового журнала: сразу же по получении «доношения» Сумарокова фактор типографии Розе дал заключение о том, что:

... По справке в типографии вышеписанного журнала печатать никак невозможно, ибо во оной (типографии, — Д. Ш. и П. Б.) столько листов набрано, что оных в месяц отпечатать невозможно, к тому же весьма много находится зачатых дел и неокончанных, которые кончить должно.

Сверх же того, от денного и ночного печатания календаря, продолжающегося больше месяца, многие станы попортились, которые все привести надлежит в прежнее состояние, и потому оной журнал академическим делам причинит помешательство и остановку.⁴

Однако Сумароков, пользуясь добрыми отношениями со своим бывшим начальником, графом А. Г. Разумовским, воздействовал на брата последнего, президента Академии наук, графа К. Г. Разумовского. 7 января 1759 года в Канцелярию Академии пришло распоряжение «по поданному от г-на бригадира Сумарокова во оную канцелярию доношению»:

Печатать в академической типографии издаваемый им помесечно журнал и вносимые во оной пиэсы прежде печатания читать г-ну профессору Попову, которому, ежели во оных усмотрит что противного, напоминать о том издателю; а дабы в печатании все порядочно происходило и в академических делах в типографии остановки последовать не могло, то в Канцелярии учинить надлежащий тому распорядок.

По прошествии же каждой трети от него, г-на бригадира Сумарокова требовать деньги.

На подлинном подписано тако:

Граф К. Разумовский⁵

Документ этот интересен тем, что в нем поручение, данное адъютанту Н. И. Попову, сформулировано очень неопределенно: «ежели во оных («пиэсах» для «Трудолюбивой пчелы», — Д. Ш. и П. Б.) усмотрит что противного, напоминать о том издателю». «Противное» могло пониматься как в идеологическом, так и стилистическом отношении. По-видимому, так понял цензор свои обязанности, в результате чего и возникли впоследствии между ним и Сумароковым большие трения.

Возможно, что под влиянием Сумарокова в «ордере», посланном Н. И. Попову того же 7 января 1759 года, уже внесено существенное уточнение:

Благородный господин профессор!

Его сиятельство г-н президент Академии Наук по доношению г-на бригадира Сумарокова приказать изволили издаваемый им помесечно журнал печатать в академической типографии и вносимые во оный пиэсы прежде печатания просматривать Вам, и, если усмотрено будет Вами что противное в деле, а не в слоге, то напоминать о том господину издателю; в прочем же подписывать на поле, что оные пиэсы читаны Вами и притом

⁴ Там же, лл. 31—32.

⁵ Там же, л. 33.

означа день получения и отсылки и отдавать для набора в типографию без всякого задержания.

Тауберт⁶

Одновременно с оформлением цензурной стороны издания журнала Канцелярия Академии наук дала распоряжение типографии составить предварительный расчет стоимости печатания «Трудолюбивой пчелы». Недатированный документ, относящийся, по-видимому, к тому же 7 января 1759 года, содержит следующие сведения:

Счет, во что издаваемый его высококордием г-ном бригадиром Сумароковым, считая заводу «600» экз. по типографии набором и печатанием с бумагою обойдется, считая в каждый месяц по 4 листа, а именно:

в 1 месяц 1 экз. $8\frac{31}{50}$ коп.
в 4 мес. 1 экз. $34\frac{73}{150}$ к.
в 12 мес. 1 экз. 1 р. $3\frac{11}{25}$

На этом предварительном счете Сумароков написал: «Оным щотом доволен и деньги по прошествии каждой трети исправно платить обяуюсь; а экземпляров надобно восемьсот».⁴

Опять-таки, по-видимому зная строптивный характер издателя журнала, типографское начальство составило проект «Кондиций, на которых печатать журнал» (л. 44), оказавшихся настолько жестокими для Сумарокова, что их пришлось заменить другими: 7 января фактору Розе был направлен следующий ордер:

Его сиятельство Академии наук г-н президент приказать изволил издаваемой помесечно г-ном бригадиром Сумароковым журнал печатать в академической типографии, чего ради для лучшего в том порядка и дабы как с одной так и с другой стороны никакой остановки последовать не могло, наблюдать Вам следующее:

1) Оной журнал набирать обретающимся при Российских ведомостях трем ученикам, а понеже они для сего дела принуждены будут и в шабашные часы работать, то им за такую чрезвычайную работу произведено быть имеет из книжной лавки от каждого листа по 1 р. 50 к. в награждение из получаемой от г-на бригадира Сумарокова платы;

2) Литеры и формат автор сам назначит;

3) В начале каждого месяца требовать всей на оной месяц набираемой материи;

4) Наборщикам велеть всегда на особливой тетради записывать отсылку и получение назад корректур, которые хранить им у себя порядочно;

5) Бумагу для печатания «800» экземпляров принимать Вам на каждый месяц от инспектора Ильина комментарную заморскую;

6) По напечатании каждого месяца экземпляры, сложа, отдать с распискою и с приложением счета в книжную лавку;

7) Смотреть, чтобы оной журнал всегда набран и напечатан был до окончания месяца. А ежели в том произойдет какое медление или остановка, то Вы и наборщики штрафованы будете вычетом из жалованья;

8) Понеже г-ну профессору Попову поручено прежде печатания читать все вносимые в журнал пиэсы, того ради ничего не набирать, на чем подписки его не будет.⁸

Как складывались отношения между Сумароковым и цензором-адьюнктом Поповым в первые три месяца издания «Трудолюбивой пчелы», документы

⁶ Там же, л. 40.

⁷ Там же, л. 36.

⁸ Там же, л. 38.

не сообщают, но 21 апреля 1759 года взбешенный Сумароков представил в Канцелярию Академии наук пространное доношение, в котором колоритно и с нескрываемым презрением к «пьяницам» рассказал о своих обидах на цензора:

В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК
ОТ БРИГАДИРА АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА
Д О Н О Ш Е Н И Е.

Приказано от Академии сочинения мои просматривать для осторожности, чтоб от меня не вышло чего противного закону и прочего непристойного, хотя я — христианин и не бесчестный человек, и чтоб то просматривал профессор Попов. Пять месяцев я терпел ему, Попову, что он, против приказанья, часто складу моему касался и карандашом подчеркивал. Остановки я от него имел неоднократно, ибо он всегда пьян, а часто не только просматривать мои пиэсы, но и выговаривать ничего не может. После обеда я к нему моих сочинений уже и не посылал ради того, что он после обеда всегда мертв пьян и на ногах едва держится. Я старался, избавляясь тяжбы, посылать мои пиэсы к нему по утрам и, тоже не взирая на то, что при всяком рассмотрении было мне от него или паче от водки его озлобление.

Сего месяца 21 дня послал я к нему просмотреть свои сочинения, нечасто, однако иногда удавалось мне от него скорое получить решение, ибо в типографию требуется оных, чтобы наборщики от остановки не были праздны, да то мне между прочим и предписано. Я нарочно, чтобы заставить его не пьяного, послал к нему в 6 ч. поутру. Однако он до свету еще не мог уже не только ясно говорить, но ниже на ногах стоять. Он подчеркивал у меня и писал всякой вздор без основания и без толку, ни малейшего о том, что он читал, не имея понятия, лишь только меня озлоблял. А я и, кроме того, по театру, а особливо ныне в изготовлении оперы и прочих представлений и сочинений театральных и к тому приготовлений, имею много дела. Я к нему ездил и нашел своего цензора в таком состоянии, в каком на маслянице бывают подобные ему на улицах валяющиеся пьяницы. И сказал только мне, повторяя, что его мне учителем определили, чтоб он меня правил, а того в ордере к нему нет. И точно изъяснено, чтобы он до склада моего не касался. Такому мало-знающему человеку, хотя б он и не пьяница был, меня учить не можно, а мне такие речи едва сносны. Я больше сей обиды еще никогда не имел, и, ежели всем пьяницам дозволено будет людей ругать беззаконно, так и жить на свете неудобно. Сделает ли мне какое довольствие в моей обиде Академия, это состоит в воле ее; не первой пьяница меня из ученых пьяниц обидит. Есть еще такой же Барков и другие, о которых Академия не меньше меня известна. Я прошу только нижайше всех господ присутствующих по Канцелярии, никого для подозрения не исключая, чтобы приказали мне цензором да и то не в складе, определить не пьяницу, ибо от пьянства профессора Попова мне делается в издании моего журнала остановка, и чтобы Канцелярия Академии наук благоволила мне сделать милость и назначить без замедления времени другого цензора, потому что журнал по всем правам, без данной от меня причины, не нарушив правосудия, остановлен быть не должен. А что он подчеркивал, то ясно доказывает о его во время просматривания состоянии.

Бригадир Александр Сумароков⁹

⁹ Там же, лл. 53об.—54.

Сумароков, однако, не удовлетворился одним этим документом и, по видимому, сумел лично или через своих покровителей дойти до самой императрицы, в результате чего на следующий же день после подачи «доношения», 22 апреля, последовал несохранившийся (может быть, устный) указ Елизаветы Петровны, защищавший интересы писателя. Во исполнение этого указа Канцелярия Академии вынесла решение:

... Понеже г-н бригадир Сумароков представил Канцелярии на профессора Попова великие свои неудовольствия, а дабы в печатании ежемесячных его журналов не учинить остановки, того ради по указу Е. И. Ве-ва Канцелярия Академии наук приказали:

издаваемые им г-ном Сумароковым на май месяц пиэсы, пока по доношении его рассмотрение учинено будет, препоручить читать г-ну профессору Котельникову обще с адъюнктом Румовским, кои и имеют быть к ним присланы прямо от Сумарокова, а им, г-дам Котельникову и Румовскому, чинить в том немедленное исполнение и о том дать им ордера.¹⁰

Не совсем ясно, почему неопределенность с назначением постоянного цензора для журнала продолжалась три месяца. 19 июля 1759 года проф. С. К. Котельников подал просьбу освободить его от чтения материалов Сумарокова:

Проф. Семен Котельников в Канцелярию

По ордеру Канцелярии Академии наук велено мне прочитывать присылаемые Его Высочордием бригадиром Александром Сумароковым сочинения и, ежели что найдется такое, которое выкинуть или поправить надлежит, то о том ему представлять. Но его высочордие о моих представлениях великое показывает неудовольствие.

И для того, опасаяся ссоры и от того худых следствий, принужден я многие вещи без поправки пропускать, ибо его высочордие отнюдь не хочет ничего в оных сочинениях допустить поправить, которые неисправности напоследок мне в несмотрение и в пренебрежение данного ордера причтены быть могут.

Того ради прошу Канцелярию Академии наук, дабы повелено было поправку помянутых сочинений с меня сложить и отдать другому, кому Канцелярия заблагорассудит.¹¹

Возможно, в связи с этим снова возник вопрос о передаче цензурного наблюдения за «Трудолюбивой пчелой» Н. И. Попову. Последний поэтому поспешил оградить себя от грозившей ему неприятности и 22 июля 1759 года направил письмо в Канцелярию Академии:

ПРОФ. ПОПОВ В КАНЦЕЛЯРИЮ

Уведомился я недавно, что его Высочордие г-н бригадир Сумароков, избегая моих справедливых о пиэсах в издаваемой им помесечно «Трудолюбивой Пчеле» критик, которые я, по приказанию его сия-ва г-на нашего Академии президента делать был должен и делал, подал во оную Канцелярию доношение, чтобы, вместо меня, определить ему другого цензора, а меня бесчестит в том своем доношении пьяницей и малоознающим учителем, противно всей справедливости самого моего дела.

Того ради Канцелярию Академии наук покорнейше прошу от таких наглых и напрасных ругательств и бесчестий меня от себя сильныя руки г-на бригадира Сумарокова защитить и доставить мне за то достойную сатисфакцию по указам, тем найпаче, что я сие бесчестие несу за то единственно, что я поступал по ордерам Канцелярии, что все с ясными доказательствами утвердить имею. Попов.¹²

¹⁰ Там же, л. 46.

¹¹ Там же, л. 55.

¹² Там же, л. 54.

Просьба Котельникова не была удовлетворена, и он продолжал выполнять, к своему неудовольствию, обязанности цензора. В октябре того же 1759 года у него произошло новое столкновение с Сумароковым, причиной которого была рукопись последнего «Слово похвальное о государе императоре Петре Великом».

Сама идея написания «Слова похального о государе императоре Петре Великом» не могла не насторожить академическую цензуру: не дольше чем за четыре года до того была произнесена Ломоносовым речь на ту же самую тему. Ломоносов готовил свое «Слово похвальное Петру Великому» несколько лет, потратил на него много сил, вложил в него много важных идей и сделал его выдающимся произведением высокого искусства красноречия. Напечатанное отдельным изданием и вскоре переведенное на французский язык, «Слово похвальное Петру Великому» было программным произведением Ломоносова-просветителя и рассматривалось современниками как великое во всех отношениях достижение русской литературы. И вот Сумароков, дерзкий антагонист Ломоносова, осмеливается выступить — явно в противовес своему сопернику — со своим «Словом похвальным о государе императоре Петре Великом». Какие цели он может преследовать подобным шагом? Только не отстать от Ломоносова, сравниться с ним или даже превзойти его? Или он, враждебно настроенный по отношению к императрице Елизавете, хочет использовать «Слово» для каких-то фрондерских выступлений? Все это заставляло цензора быть особенно внимательным при чтении рукописи Сумарокова.

Можно представить себе положение С. К. Котельникова, когда ему пришлось прочесть в рукописи Сумарокова следующие резкие нападки на допетровское прошлое России: «До времени Петра Великого Россия не была просвещена ни ясным о вещах понятием, ни полезнейшими знаниями, ни глубоким учением; разум наш утопал во мраке невежества, искры остроумия угасали и воспламениться не имели силы. Вредительная тьма разума приятна была, и полезный свет тягостен казался».¹³

Еще более опасными могли показаться академическому цензору те места, в которых Сумароков нападает на духовенство, называя последнее условным в тот период обозначением «суеверов»: «Родился Петр, наступило его младенчество. Взошла на мрачный горизонт предвестница Солнца, багряная Аврора. Возрадовалась истина и ужаснулось суемудрие. Суеверы, почитая просвещение разума путем отвращающим нас от познания божества, кричали: предвещается падение благочестия, и паки: со младенчеством сего царевича, страх наш минется, освещение исчезнет и почтенное наше невежество, удерживающее нас на пути истинны, не разрушится. Возмужал Великий Петр, взошло солнце, и мрак невежества рассыпался. Обманулися невежи и упрямы, с суеверами возбудителями своими, в мерзкой своей надежде. Но прежде прибегают к оружию вредоносных человек: мздою, пьянством и суеверием ослепляют их, и возмущают войско».¹⁴

Излагая последующие события петровского времени, Сумароков продолжает развивать тему «суеверия» и делает такое обобщение, которое не могло не испугать Котельникова, несомненно хорошо знавшего сильное влияние духовенства на ревностно-религиозную Елизавету: «Тако утверждалось невежество под именем благочестия. Властолюбие и лихоимство бессовестных людей прибегали к суеверию, суеверие к варварству; ибо варварство во все времена паче всего суеверию повиновалось».¹⁵

Правда, Сумароков местами формулировал свои мысли в «Слове похвальном» так, что под «суеверами» можно было понимать раскольников-старо-

¹³ «Трудолюбивая пчела», 1759, октябрь, стр. 582.

¹⁴ Там же, стр. 582—583.

¹⁵ Там же, стр. 583.

обрядцев, но это было обычной в то время уловкой, к которой прибегали просветители, например Ломоносов в незадолго до того нашумевшем «Гимне бороде» (1757). Кстати, словно для выражения своего согласия с Ломоносовым в данном вопросе, Сумароков написал в «Слове похвальном»: «В перемене одеяния и в бритии бород не было бы Петру Великому ни малейшая нужды, ежели бы старинное платье не покрывало старинного упрямства, а борода в подлых головах не умножала гордости».¹⁶

Еще больше опасений должно было вызвать у Котельникова место, следовавшее после характеристики Петра и особенно подчеркивавшее простоту и величие императора — преобразователя, с тем чтобы противопоставить ему Елизавету: «Не в великолепии ищут великие государи величества, не в великолепии искал его и ты великий государь. Твое великолеpie было попечение о государстве, едино украшение и сияние венца; ибо все прочее пустой только блеск».¹⁷

Можно не сомневаться, что именно для того, чтобы публично противопоставить простоте и величию Петра великолеpie и внешний блеск Елизаветы, и было написано Сумароковым его «Слово похвальное о государе императоре Петре Великом». И, конечно, опытного цензора Котельникова не могли успокоить разбросанные в разных местах рукописи Сумарокова комплименты Елизавете: «Подражайте будущим векам монархи российские делам его, сим образом, которым ему Елисавета подражает», или: «На сих днях, на сих последних днях твоим оружием дщерь твоя над сильным неприятелем две преславные победы одержала».¹⁸ Как всякий умный цензор, Котельников понимал, что «в верхах» будет обращено внимание на основную тенденцию «Слова похвального», а не на отдельные комплименты Сумарокова Елизавете.

Поэтому Котельников сообщил в Канцелярию Академии, что он не осмеливается принять на себя рассмотрение сочиненного Сумароковым «Слова похвального о государе императоре Петре Великом», и дело перешло к самому президенту академии графу К. Г. Разумовскому. Последний 7 октября 1759 года:

приказать изволил упомянутое «Похвальное слово», по неотступному требованию господина автора и в том рассуждении, что и прежде, до издания его журнала, печатаны были многие его пиэсы без цензуры академической, напечатать, оставляя ему собственно в том ответствовать, ежели двор и публика покажет какое неудовольствие, а в прочем господам цензорам поступать по прежде данной им инструкции.¹⁹

Дело № 239 не сохранило данных о реакции «двора и публики» на дерзостное выступление Сумарокова, но именно «Слово похвальное», — в этом можно несколько не сомневаться, — послужило последним основанием для закрытия журнала.

В литературе о «Трудолюбивой пчеле» указывалось, что во втором полугодии ее издания в ней усиливается сатирическая сторона, появляются в большом числе прозаические статьи сатирического характера, содержащие едкие нападки на лихоимство судей, взяточничество чиновников и т. п. В стихах Сумароков высмеивал откупщиков, подьячих, каких-то знагных современников (кто они были, теперь установить почти невозможно). Это также создавало неприязненное отношение придворных кругов к журналу Сумарокова.

¹⁶ Там же, стр. 584.

¹⁷ Там же, стр. 586—587.

¹⁸ Там же, стр. 585.

¹⁹ Архив АН СССР, д. № 239, лл. 50—51.

В декабрьской книге «Трудолюбивой пчелы» Сумароков поместил стихотворение «Расставание с музами», в котором давал понять читателям, что журнал прекращается под давлением высших властей:

Для множества причин
Противно имя мне писателя и чин.
С Парнасса нисхожу, схожу противу воли,
Во время пущего я жара моего
И не взойду по смерть я больше на него.
Судьба моей то доли.
Прощайте, музы, навсегда!
Я более писать не буду никогда.²⁰

Как известно, Сумароков не сдержал своего обещания и в следующем же году стал печататься в журнале «Праздное время в пользу употребленное». Тем не менее его «Расставание с музами» имеет для нас значение свидетельства поэта о том, как кончилась его попытка издавать первый русский сатирико-политический журнал. В истории русской литературы, журналистики и общественной мысли журнал Сумарокова сыграл полезную роль: он оказался своеобразным предтечей сатирической журналистики 1769—1774 годов.

²⁰ «Трудолюбивая пчела», 1759, декабрь, стр. 768.